A vibrant, multi-colored nebula in space, featuring a mix of blue, purple, and red hues. Numerous bright stars of various colors (white, yellow, blue) are scattered throughout the scene, some with prominent lens flare effects. A dark, spherical planet is visible on the right side of the image.

*Грани
космического
мировоззрения*

Т.П. Сергеева

Космические корни мировоззрения Н.И. Пирогова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского

*Человек – часть космической энергии, часть стихий, часть
Космического Разума, часть сознания высшей материи.*

Беспредельность, 155

Скрытые проявления Космоса сияют глазу ищущего.

Беспредельность, 24

Из всей замечательной плеяды мыслителей-космистов, творивших в пространстве Духовной революции конца XIX – начала XX века, эти четверо выбраны не случайно. Все они были учеными с мировым именем, основателями новых направлений в науке, которую мы называем классической. Но было в их жизни и нечто необычное, что, с одной стороны, не укладывалось в рамки этой классической науки, а с другой – помогало им достичь тех необыкновенных результатов в научных изысканиях, которые так выделяли их среди современников и сделали их творческое наследие востребованным на столетия вперед. Это необычное уходило своими корнями в метанаучную реальность энергоинформационного пространства Вселенной, с которой они были связаны необъяснимыми, но реальными нитями. Эта реальность проявлялась и в их судьбе, и в жизни каждого дня. Они ощущали ее, понимали объективность ее существования и пытались осмыслить

и объяснить ее с философской и научной точки зрения. Они жили и творили в разное время и, за исключением Циолковского и Чижевского, не были знакомы друг с другом. Но их объединяло нечто большее – они были носителями нового космического мировоззрения и предтечами философии космической реальности – Живой Этики¹.

Владимир Вернадский – гимназист. 1918

В трудах Людмилы Васильевны Шапошниковой – ведущего ученого-космиста современности – показано, что творчество космической эволюции на нашей планете происходит путем взаимодействия пространства высокого состояния космической материи с духовным пространством внутреннего мира избранных людей: «Любой метаисторический импульс, который высокая космическая материя посылает на Землю, идет через конкретного человека или конкретных людей. Именно через них, вестников космической эволюции, последняя осуществляет свое творчество на планете Земля»².

Эти четверо и были вестниками космической эволюции и проводниками ее творчества. Врач и ученый Николай Иванович Пирогов заложил основы научной медицины, Константин Эдуардович Циолковский стал родоначальником космонавтики, Владимир Иванович Вернадский разработал учение о живом веществе – биосфере и ее развитии в ноосферу, Александр Леонидович Чижевский основал научное направление по изучению влияния космических объектов и их излучений на жизнь и творческую деятельность человечества. Но они были не только великими учеными, но и неординарными мыслителями, оставившими, кроме значительного научного наследия, философские труды, которые несут человечеству новое со-

знание, новое мировоззрение, новую эволюционную ступень.

Они были избранниками эволюции, и потому их жизненный путь был отмечен особой и общей для всех чертой, которую можно назвать «предизбранностью». Это и направляющее воздействие некой эволюционной силы, которую принято называть «рукой судьбы», – появление в их жизни определенных людей, ставших учителями и наставниками, а также, казалось бы, случайные встречи, которые на самом деле имели поворотный, судьбоносный характер. Были и более необычные моменты в их жизни, такие как сны и видения, имевшие определяющее влияние на их судьбы и творчество. Сюда же можно отнести наличие явно выраженной ведущей идеи, определившей направление творческих изысканий каждого из них.

У Н.И. Пирогова такой ведущей идеей стало врачевание тела, а позже и души человека. Интерес к медицине возник у него с раннего детства благодаря друзьям и знакомым семьи: подлекарю Г.М. Березину, причившему его к латыни, оспопрививателю и акушеру А.М. Клаусу, ко-

¹ См.: Шапошникова Л.В. Записки старого врача // Пирогов Н.И. Вопросы жизни: Дневник старого врача / [Сост. А.Д. Тюриков] / Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. С. 12–13.

² Шапошникова Л.В. Земной маршрут космической эволюции // Культура и время. 2008. №4. С. 29.

торый увлек мальчика экспериментами с микроскопом, и особенно семейному врачу Е. О. Мухину, много поспособствовавшему поступлению Николая Пирогова в Московский университет.

Ведущая идея Циолковского выразилась в стремлении к миру «без пут тяготения». В своих воспоминаниях он отмечал: «Я, мысленно, высоко прыгал, взбирался, как кошка на шесты, по веревкам. Мечтал и о полном отсутствии тяжести»³. Эта мечта как камертон звучит во всех его трудах и воспоминаниях. Было чрезвычайно интересно понять, как она возникла, чем навеяна. Ответ нашелся в авторском предисловии к изданию 1911–1912 годов работы «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Объясняя свое стремление к космическим путешествиям, Циолковский пишет: «Кроме того, мне представляется – вероятно ложно, – что основные идеи и любовь к вечному стремлению туда – к Солнцу, к освобождению от цепей тяготения, – во мне заложены чуть не с рождения. По крайней мере, я отлично помню, что моей любимой мечтой, в самом раннем детстве, еще до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движения во все стороны совершенно свободны и где лучше, чем птице в воздухе. Откуда явились эти желания, я до сих пор не могу понять; и сказок таких нет, а я смутно верил, и чувствовал, и желал именно такой среды без пут тяготения»⁴. В издании 1926 года, как бы смущаясь этих своих, так сказать, «ненаучных» впечатлений или пытаюсь найти им хоть какое-то обоснование, он добавляет абзац: «Может быть, остатки атрофированного механизма, выдохшихся стремлений, когда наши предки жили еще в воде и тяжесть ею была уравновешена, – причина таких снов и желаний»⁵.

Приведенные высказывания Циолковского свидетельствуют о нескольких моментах. Первое – знание о мирах без тяжести было у него с самого раннего детства, еще до того, как он познакомился с первыми книгами. А читать он начал рано. Вероятно, с этим знанием о среде «без пут тяготения» Циолковский пришел в этот мир. Второе – Циолковский, живший и творивший в условиях «торжества» экспериментальной науки, не мог достаточно убедительно сформулировать в терминах

и понятиях этой науки, как в нем возникла эта информация и откуда она пришла. Отсюда и эта его оговорка: «вероятно ложно», и новый абзац, добавленный в издание 1926 года. К этому моменту мы еще вернемся.

В отличие от Циолковского, Вернадский не сразу осознал свою ведущую идею. Свое предназначение, цель жизни он сначала формулировал как работу на пользу человечеству⁶. Вернадский был очень строг к себе и необычайно скромнен. Будучи крупнейшим ученым, широко признанным мировой научной общественностью, он только в возрасте 55 лет начал осознавать значительность своей роли в науке и задумываться о своем предназначении в связи с работой над проблемами живого вещества. В дневниковых записях 1918–1919 годов Вернадский постоянно отмечает: «Работаю много над живым веществом. И здесь нахожу опору»⁷; «Всего как-то захватила работа над живым веществом»⁸; «Занимался хорошо живым веществом»⁹. В нем постепенно набирал силу тот внутренний голос, который он потом назовет «демоном Сократа». «Чувствую, что приходится выступать, – пишет он в дневнике в сентябре 1919 года по поводу своей общественно-политической деятельности, – хотя больше всего хотел бы уйти в свою научную работу, где я чувствую, что могу сейчас много дать неизвестного. И это чувство у меня новое и для меня необычно»¹⁰. И еще: «Сейчас я как-то ясно чувствую, что то, что я делаю своей геохимией и живым веществом, есть ценное и большое. И готов это прямо утверждать, уверен, что если не оценят современники, оценит потомство»¹¹. И уже в самом начале 1920 года в Крыму, обдумывая варианты эмиграции, он отмечает: «Чем больше я вдумываюсь в значение цикла своих мыслей и в геохимию, и в живом веществе, и в минералогии, и в силикатах – тем более я считаю, что я имею право требовать поддержки, т.к. имею сказать человечеству новое и важное»¹².

Чижевский с детства обладал повышенной чувствительностью к воздействию метеорологических факторов, и это стало определяющей причиной его стремления к изучению внешних влияний на организм человека. «Эти мои черты, –

³ Циолковский К. Э. Черты из моей жизни. Калуга: Золотая аллея, 2002. С. 31–32.

⁴ Циолковский К. Э. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 167.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ См.: Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 33, 43.

⁷ Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 62.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Там же. С. 134.

¹⁰ Там же. С. 143–144.

¹¹ Там же. С. 151.

¹² Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. Киев: Наукова думка, 1997. С. 22.

вспоминал он, – чаще наблюдающиеся в пожилом возрасте, вынудили меня еще с детства живо интересоваться происхождением их и прилежно изучать естественные науки. Когда же я из детского возраста перешел в юношеский, то уже не мог пересилить себя. Меня непреодолимо влекло к изучению внешних влияний на организм, и потому – так по крайней мере мне кажется – я отдал изучению этого всю последующую жизнь. Я стал исследователем вопросов о “влияниях”. Все прочие науки были принесены мною в жертву этой основной для меня темы¹³. Его увлечение астрономией в этом случае сыграло ключевую роль и привлекло внимание будущего ученого не только к земным, но и к космическим факторам влияний – сначала он пытался постичь влияние Луны на человека, а потом, став «солнцепоклонником», перенес этот интерес на дневное светило. В этот момент таинственная и невидимая «рука судьбы» свела юного Александра с К.Э. Циолковским, который одобрил и поддержал направление творческих изысканий Чижевского.

Такое наличие «руки судьбы» и явно выраженной ведущей идеи можно отнести к проявлению одного из основных космических законов, сформулированных в Живой Этике: «Высшее определяет и ведет в эволюции за собой низшее», – к руководству Высших сил, формирующих процессы космической эволюции на нашей планете. Об этом наиболее красноречиво свидетельствует известное высказывание Циолковского: «Я видел и в своей жизни судьбу, руководство высших сил. С чисто материальным взглядом на вещи мешалось что-то таинственное, вера в какие-то непостижимые силы, связанные с Христом и Первопричиной. Я жаждал этого таинственного. Мне казалось, что оно меня может удержать от отчаяния и дать энергию»¹⁴.

Находясь в пространстве плотной материи Земли, все четверо не теряли связь с этим Высшим – пространством высоких измерений, или состояний материи, если следовать терминологии Живой Этики. И это можно увидеть в процессах познания и осмысления Мироздания и становления мировоззрения, которые проходили по-разному у каждого из них и в то же время имели удивительную общность. Прежде всего это проявление в процессах познания ученых-космистов закона Великой двойственности, того, что Л.В. Шапошникова образно охарактеризовала как «необходимость опираться в исследовании любого явления на два крыла – земное и небесное, материальное и духовное».

В процессах познания космистов сочетались традиционная научная методология, связанная с миром земным, плотным, и явления, происходившие во внутреннем духовном пространстве каждого из них и традиционной наукой не объяснимые.

В воспоминаниях, дневниках и письмах мы находим свидетельства особой чувствительности, чуткости, необычной восприимчивости их натур, которые давали им возможность прикасания к мирам надземным. Вот как Вернадский пишет об этом в своем дневнике: «Я по природе мистик; в молодости меня привлекали переживания, не поддающиеся логическим формам, я интересовался религиозно-теолог[ическими] построениями, спиритизмом – легко поддавался безотчетному страху, чувствуя вокруг присутствие сущностей, не улавливаемых теми проявлениями моей личности (“органами чувств”), которые дают пищу логическому мышлению. У меня часто были галлюцинации слуха, зрения и даже осязания (редко). <...> Сны мои были очень яркими <...> Я был лунатиком, также как мой отец и дед <...> Я помню до сих пор те переживания, которые я чувствовал, когда сны состояли из поразительных картин – переливов в виде правильных фигур (кривых) разноцветных огней. <...> Из всего этого у меня сохранялись долго сны звуков (в последнее время редко), когда я во сне слышал музыку, хотя у меня нет слуха и, особенно, музыкальной памяти, и сны полетов. Говорят, эти последние свойственны молодости, но я, правда реже, их имел и в старости – недавно в Киеве. Это приятные, возвышающие человека сны»¹⁵.

Он называет эти проявления «лунатизмом», за неимением иного общепринятого определения. Но на самом деле это не было бессознательным хождением во сне, как можно видеть из описаний этих явлений самим же Вернадским. Это больше похоже на реакцию еще не вписавшегося, если можно так сказать, в земную жизнь сознания высокого духа, томимого видениями, мыслями, идеями, предчувствиями, еще не оформленными в соответствующие земным понятиям слова и образы. Скорее всего, это были проявления того процесса, который П.Ф. Беликов назвал «земным сосредоточением», когда в раннем периоде своей жизни дух еще не очень уверенно ощущает себя на Земле. Лишь со временем, пройдя это «земное сосредоточение», приспособившись к земным условиям, высокий дух более осознанно и уверенно взаимодействует с мирами более тонких состояний материи, осуществляя ту энергоинформационную

¹³ Чижевский А.Л. Вся жизнь. М.: Сов. Россия, 1974. С. 43.

¹⁴ Циолковский К.Э. Гений среди людей. М.: Мысль, 2002. С. 58.

¹⁵ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. С. 32–33.

связь между мирами земным и надземными, которая является необходимым условием его миссии.

Это взаимодействие проявлялось несколькими способами, путями или каналами. Одним из них было искусство, особенно музыка. Циолковский считал, что определенное сочетание звуков разной высоты может настраивать человека на тот или иной лад¹⁶. Сам он все время напевал – когда трудился над очередным изобретением, по дороге на работу и домой, в любую свободную минуту, то есть тогда, когда его мысль напряженно работала. Он сам сочинял мелодии, которые напевал. «И пел не песни, – вспоминал Циолковский, – а как птица, без слов. Слова бы дали понятие о моих мыслях, а я этого не хотел. Пел и утром, и ночью. Это было отдыхом для ума. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день пою и утром, и перед сном, хотя уже и голос охрип, и мелодии стали однообразней. Ни для кого я этого не делал и никто меня не слышал. Я это делаю сам для себя. Это была какая-то потребность. Неясные мысли и ощущения вызывали звуки. Помнится, певческое настроение у меня появилось с 19 лет»¹⁷. Пение собственных мелодий, навеянных настроениями и впечатлениями, давало «отдых для ума» и в то же время настраивало в унисон с чем-то, что было ему необходимо, несло какую-то информацию, иногда не совсем ясную ему самому.

А.А. Чижевский за мольбертом

Вернадский очень тонко чувствовал живопись, музыку, и они приводили его в особое состояние духа: «Вчера был на концерте в церкви – некоторые вещи на меня произвели сильное впечатление <...> мне казалось, что эти звуки проникают в меня глубоко, глубоко, что им ритмически отвечают какие-то движения души, и все мое хорошее, сильное собирается в полные гармонии движения»¹⁸. Эти ритмические движения души потом преобразовывались в мысли и идеи. «Некоторые из основных моих идей, – отмечал Вернадский, – как идея о значении жизни в космосе, стали мне ясными во время слушания хорошей музыки. Слушая ее, я переживал глубокое изменение в моем понимании окружающего»¹⁹. Это давало ему «глубокий настрой и биение мысли» и повышало «силу напряженности своего аппарата, проникающего глубоко, глубоко в неизведанное»²⁰.

Другой способ взаимодействия космистов с пространствами более высокого состояния материи характеризуют слова Вернадского: «мыс-

¹⁶ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 481.

¹⁷ Циолковский К.Э. Черты из моей жизни // Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 44.

¹⁸ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 174.

¹⁹ Цит. по: Шапошникова Л.В. Вселенная Мастера. М.: МЦР, 2005. С. 269.

²⁰ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 189.

лить образами и картинами». К.Э. Циолковского в определенном смысле можно даже назвать живописцем космоса. В его творчестве, и не только в так называемых фантастических произведениях (которые правильнее было бы назвать научно-популярными), множество убедительных и достоверных картин того, что можно увидеть, если оказаться в том или ином месте космического пространства. Невольно приходит мысль, что сам их автор тем или иным способом видел эти картины, был их свидетелем. К ним можно отнести многие эпизоды из повести «Вне Земли» и работы «Цели звездоплавания». Описанные Циолковским подробности поведения людей, предметов, жидкостей были такими, какими мы их в нашу космическую эру узнали из репортажей об орбитальных полетах космических кораблей и технологических экспериментах, проводимых во время этих полетов. Конечно, потеря веса, как следствие физических законов, строго просчитывалась математически. Но между математическими выкладками и образным, полностью адекватным реальности, удивительно точным изображением происходящего – огромная разница. Описание Циолковского тоже можно назвать «репортажем с орбиты», только это будет своеобразный «репортаж из будущего». Разумеется, этот репортаж базировался на знании физических законов, но без воображения, эмоционального ощущения, видения, или предвидения, как эти законы действительно реализуются во времени и пространстве, невозможно убедительно описать ни бытовые подробности жизни в невесомости, ни целую серию технологических экспериментов, продемонстрированных героями повести «Вне Земли»²¹. То же самое мы видим и в повести «На Луне»: Циолковский описал Луну такой, какой ее стали представлять после исследований луноходами и американскими астронавтами. До этого велись серьезные дискуссии об огромном слое пыли на Луне, в котором можно утонуть.

Наиболее удивительна нарисованная Циолковским картина ближнего космоса, где вечно светит Солнце. В ней отражены впечатления человека, находящегося в космическом пространстве без скафандра²². Картину космоса дальнего Циолковский описывает в одной из своих самых ранних работ – «Свободное пространство», созданной в 1883 году, за 78 лет до первого полета человека в космос. Его «картина места», как он ее назвал, поражает своей достоверностью: «Вы увидите мрач-

ный, черный как сажа, полный (а не полусферу, не свод) шар, в центре которого, вам кажется, помещены вы. Внутренняя поверхность этого шара усыпана блестящими точками, число которых бесконечно больше числа звезд, видимых с Земли. Каким мертвым, ужасным представляется это черное небо, блестящие звезды которого совершенно неподвижны, как золотые гвозди в церковных куполах! Они (звезды) не мерцают, как кажется с нашей планеты, они видны совершенно отчетливо»²³. И еще у Константина Эдуардовича есть описание картины космоса, которую, как он предполагал, можно увидеть, находясь в мировом пространстве между галактиками. Как пишет Л.В. Шапошникова, «можно подумать, что в лице Циолковского на Землю из таинственных глубин Космоса прибыл космонавт, который знал хорошо не только Космос, но и конструкцию аппаратов, которые где-то далеко давным-давно бороздили космические просторы»²⁴. Подтверждение достоверности картин космоса, нарисованных К.Э. Циолковским, пришло от первого космонавта Юрия Гагарина, который в своем выступлении сразу после полета сказал, что все увиденное им уже было описано в трудах гениального Циолковского.

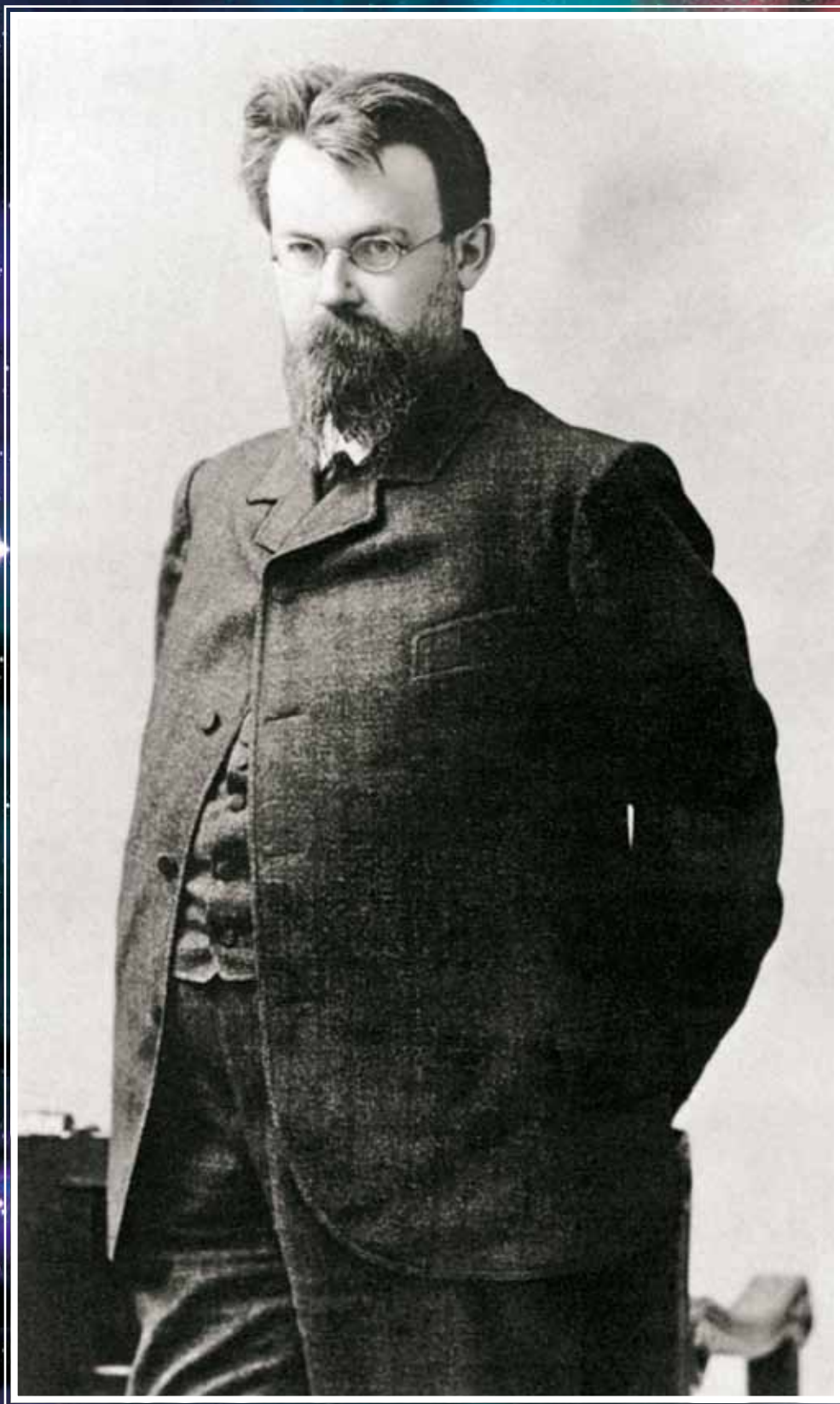
Вернадский всегда ярко и образно, внутренним видением, присущим только тем, кто имеет особую связь с энергоинформационным пространством космоса, ощущал предметы, к которым прикасался в своих размышлениях, наблюдениях, исследованиях. Это могло быть звездное небо, побуждающее его к размышлениям о бесчисленных мирах и населяющих их людях, или обнажения геологических грунтов, когда в секунды перед ним проносились те эволюционные процессы, которые их сформировали, или археологические находки, когда он, как Н.К. Рерих, переносился в те эпохи, откуда пришел этот предмет, видел и слышал людей, населявших их. В дневниках, письмах жене и ближайшим друзьям Вернадский часто писал и о своих видениях – особом видении внутренним взором процессов, происходящих на огромных пространственно-временных отрезках. Он отмечал возникающий у него при соприкосновении с интересным для него ландшафтом ряд «самых разнообразных мыслей, фантазий, впечатлений», говорил о пробегающих в уме картинах былого, особенно когда он старался улавливать «не картину рельефа, а более глубокое свойство – химические процессы», свя-

²¹ См.: Циолковский К.Э. Вне Земли. Новосибирск: Согласие, 2007. С. 54–59.

²² См.: Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. С. 226–227.

²³ Циолковский К.Э. Собр. соч. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 29.

²⁴ Шапошникова Л.В. Вселенная Мастера. С. 923.

В.И. Вернадский – профессор Псковского университета. 1905

занные с историей формирования данного ландшафта²⁵. Писал о звучащих внутри него зовах, иногда неясных, но неотвратимо манящих, о мелодиях мысли, служащих камертоном в его размышлениях над проблемами живого вещества, о своем приобщении к многовековой мысли человечества²⁶.

Вернадский формулирует еще один способ взаимодействия с мирами надземными – «переживание мыслью и духом». Подобные переживания сопровождали все его научное творчество. Во всем, что он делал, не было холодного расчета и сухой методики. Это, в частности, подтверждает следующий фрагмент из письма жене от 13 июня 1888 года: «...я чувствую, что все более и более научаюсь методике, то есть у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленное и сильнее работает мысль. Вообще с головой моей делается странное; она как-то так много фантазирует, так полна непрерывной работой, как давно, давно не была. Минуты, когда ты обдумываешь те или иные вопросы, когда соединяя известное уже ныне, собираешься связать эти данные, найти способ проникнуть глубже и дальше в строение вещества, в такие минуты переживаешь какое-то особое состояние, это настоящий экстаз. Я боюсь, что Грот меня примет за фантазера, потому что я постоянно все выдумываю новое <...> Но, да все равно, потому что все это сильнее меня, и я не могу не стараться познать».

Вчера вечером особенно сильно работала мысль, и продолжая дальше раздумывать над явлением капиллярности <...> мне пришла мысль, которая теперь мне кажется очень важной, и когда она явилась мне внезапно как луч света, меня охватило какое-то волшебное состояние²⁷.

В этих процессах осмысления Вернадским вполне конкретных явлений, связанных с плотным земным веществом, можно видеть проявление мира рукотворчества («появляются руки»), мира мыслетворчества и духотворчества, потому что экстаз и то волшебное состояние, о котором пишет ученый, непосредственно относятся к области духа, его горения и творчества. И еще важный момент. Владимир Иванович свидетельствует, что все эти процессы мысле- и духотворчества сильнее его личного, внешнего «я» и как мощный импульс познания идут откуда-то изнутри, из неосознаваемых глубин его натуры.

Друг, ученик и единомышленник К.Э. Циолковского А.Л. Чижевский говорил об особом внутреннем зрении своего учителя, отмечая его особую зоркость как исследователя, видевшего дальше и глубже других: «Гениальность Константина Эдуардовича состояла еще в том, что он ясно видел многое, чего никто, ни один человек в мире тогда еще не видел <...> И в наши дни многим еще трудно психологически представить себе человека в Космосе – оторванным от Земли, а в те годы возможность такого представления граничила с безумием либо с бесплодной фантазией. Только у К.Э. Циолковского это представление было реальным: он не был ни безумцем, ни безудержным фантазером – он был, прежде всего, исследователем, видевшим на несколько десятилетий вперед. Зоркость подлинного научного зрения у него была развита в такой огромной степени, что он даже видел свои космические корабли, вырывающиеся из строк его писаний. Подчеркиваю: он не только верил, но и видел. Таким особым зрением обладают только подлинные гении. Это – не фантазия, не галлюцинация, не мираж, не “кажущееся”, а именно особая зоркость, позволяющая людям делать великие открытия. <...> Внутреннее зрение это то самое, что отделяет мир гения от мира обыкновенного человека. Это два различных мира. Гений – всегда впереди своих современников. Не прибегая к каким-либо приборам, он видит несоизмеримо дальше их, слышит несравненно больше. Приборы служат для подтверждения и уточнения его догадки»²⁸.

Ярким подтверждением этой зоркости и видения далеко вперед служит записанная А.Л. Чижевским беседа с К.Э. Циолковским, которую он назвал «Теория космических эр». В этой беседе Циолковский поделился со своим учеником и соратником самыми сокровенными мыслями «о вещах, не поддающихся объяснению». Только гений мог всерьез и глубоко задуматься над «вопросом всех вопросов» – смыслом существования самого Мироздания: «...зачем все это – зачем существуют материя, растения, животные, человек и его мозг – тоже материя, – требующий ответа на вопрос: зачем все это? Зачем существует мир, Вселенная, Космос? Зачем? Зачем?»²⁹ И только гений мог развернуть этот сакраментальный вопрос, который «не разрешил никто, ни наука, ни религия, ни философия», в конкретную гипотезу путей космической эволюции – теорию космических

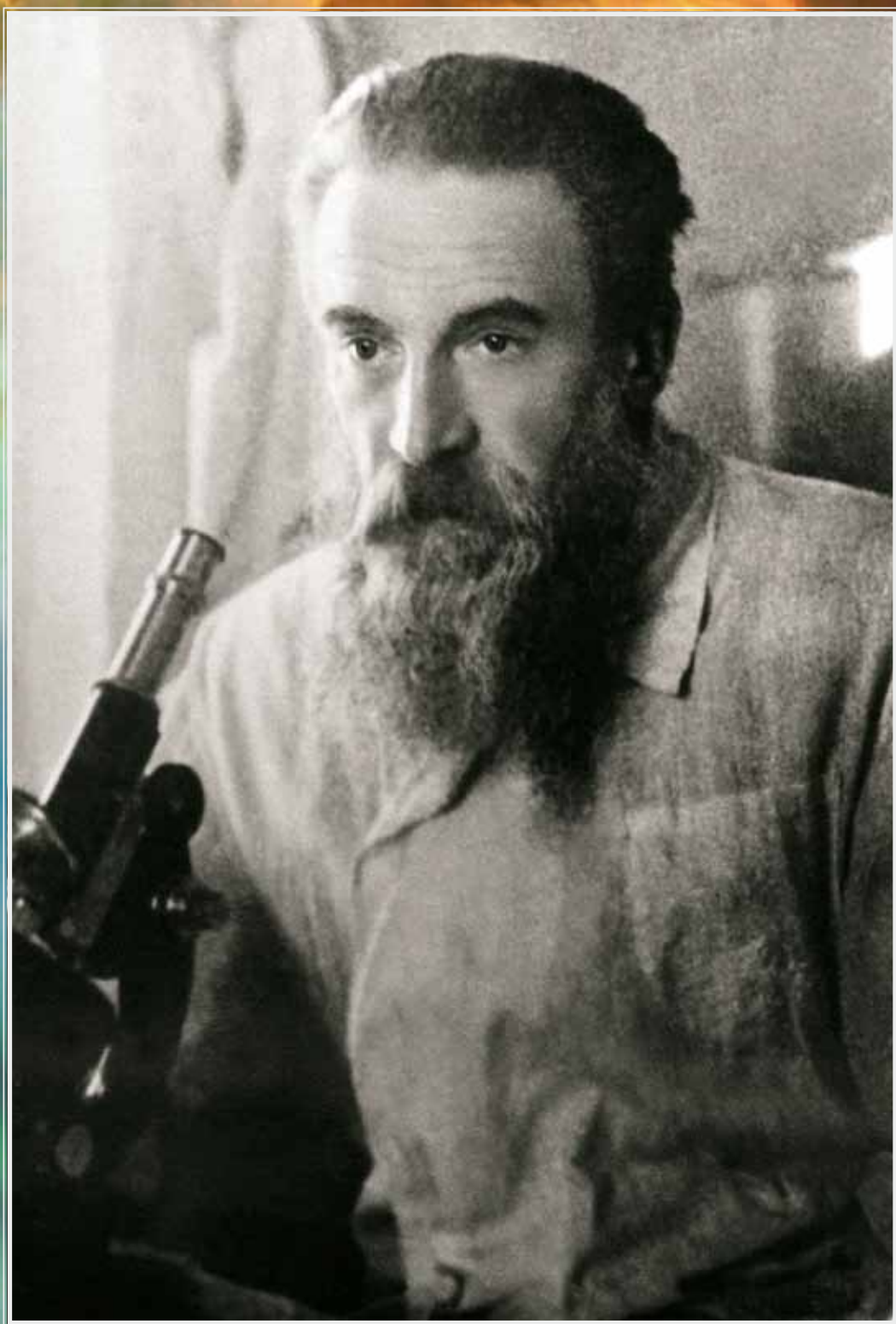
²⁵ См.: Вернадский В.И. Письмо к Н.Е. Вернадской от 26 августа 1894 года // Прометей: Ист.-биограф. альм. Сер. «Жизнь замеч. людей». Т. 15. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 100.

²⁶ См.: Вернадский В.И. Письмо к Н.Е. Вернадской от 3 июля 1886 года // Прометей. Т. 15. С. 89.

²⁷ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 60.

²⁸ Чижевский А.Л. Вся жизнь. С. 36–37.

²⁹ Чижевский А.Л. Теория космических эр // К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский: калужские страницы русских космистов / Сост. Л.Т. Энгельгардт, А.В. Манакин. Калуга: Гриф, 2007. С. 111.

А.Л. Чижевский в санчасти Спасского отделения Карлага, 1939

эр, цикличного развития материи, перехода ее из корпускулярной формы в лучистую, а затем из лучистой снова в корпускулярную, но «более высокого уровня».

У Чижевского все эти способы взаимодействия с мирами тонкими, прикосновения к иной, космической реальности точно и емко звучат в его стихах. Взять хотя бы стихотворение «О беспредельном этом мире...», написанное в 1917 году:

*О беспредельном этом мире
В ночной тиши я размышлял,
А шар земной в живом эфире
Небесный свод круговращал.*

*О, как ничтожество земное
Язвило окрыленный дух!
О, как величие родное
Меня охватывало вдруг!*

*Непостижимое смятенье
Вне широты и долготы,
И свет, и головокруженье,
И воздух горной высоты.*

*И высота необычайно
Меня держала на весу,
И так была доступна тайна,
Что я весь мир в себе несу.*

Поэтический жанр позволил Чижевскому в четырех строфах выразить всю свою философию, свое космическое мировоззрение, миропонимание и мироощущение – единство себя с беспредельным Космосом, его красотой, тяжесть временного земного пристанища духа, для которого родной стихией являются величественные и безмерные пространства «вне широты и долготы», наполненные необычайным, волнующим светом. Такие образы возможно пережить только при вхождении духа в миры высших состояний материи, где время не дифференцировано, а пространство имеет иное измерение, нежели в нашем плотном мире.

В жизни ученых-космистов были и некоторые феноменальные события, приносившие знание, которое нельзя отнести к категории научного, но которое оказало значительное влияние на формирование их мировоззрения, – это сны, видения, озарения. У Н.И. Пирогова первое озарение произошло во время необычной болезни в возрасте 30 лет. Оно резко изменило его мировоззрение

от грубо материалистического, направленного на познание лишь одной плотной земной материи, к открытому для взаимодействия с мирами высшими. Как вспоминал Николай Иванович, во время его болезни ему «в первый раз в жизни пришла мысль об уповании в Промысел»³⁰. И это «упование в Промысел» сопровождало его всю последующую жизнь, наложило отпечаток на все дела земные и привело на склоне лет к непосредственному контакту с энергоинформационным пространством Космоса, которое он ощущал как «беспредельный, непрерывно зыблющийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себя всю Вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, снова разлагающий их сочетания и агрегаты и приспособляющий их к различным целям бытия»³¹. Анализируя эти настойчиво звучащие в нем ощущения как ученый всей доступной ему логикой, Пирогов пришел к выводу о существовании «высшего начала сознания и мысли» – беспредельного и вечного разума, управляющего этим океаном жизни.

К.Э. Циолковский писал в связи со своей верой в непостижимые силы, связанные с Христом и Первопричиной: «Я пожелал в качестве доказательства видеть облака в виде простой фигуры, креста или человека»³². И спустя несколько недель он действительно увидел облако – сначала в виде правильного четырехконечного креста, а затем в виде безукоризненной по форме человеческой фигуры. Были в его жизни и другие необъяснимые с научной точки зрения явления, о которых он упоминает в своих трудах³³. В.И. Вернадский неоднократно отмечает в своих дневниках те научно не охватываемые проявления его личности, которые, как он сам не раз повторял, еще смолodu «остановил в себе» и пошел по пути «углубления в природу», то есть естественнонаучному. Тем не менее видения и озарения сопровождали его всю жизнь, и ярчайшим из них был случай трехнедельного видения во время болезни в Крыму.

Здесь стоит заметить, что в метаисторическом процессе получения знания из высших миров есть явление, про которое Елена Ивановна Рерих сказала следующее: «Будем помнить, что мыслящий человек никогда не одинок, ибо мысль есть величайший магнит и приносит из Пространства тождественный ответ. Потому, если хотите получить прекрасный ответ, посылайте в звучащее Пространство устремленные мысли, насыщенные чистым огнем сердца, ибо только одухотворенная

³⁰ Пирогов Н.И. Вопросы жизни: Дневник старого врача. С. 423.

³¹ Там же. С. 25.

³² Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 58.

³³ См.: Циолковский К.Э. Научная этика // Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 373.

устремлением, напитанная сердцем мысль творит и привлекает, как мощный магнит»³⁴. То есть мета-знание чаще приходит как ответ на импульс запроса мысли и духа – не рассудочного, а освещенного огнем сердца. Наследие космистов, сама их жизнь, необычайная творческая пытливость дают много подтверждений этому.

Когда ввиду угрозы прихода в Крым большевиков многие коллеги Вернадского намеревались эмигрировать, он тоже обдумывал варианты возможного переезда в другие страны. Ученый записывает в дневнике, как ему видится его будущая научная жизнь, как продвинется работа над живым веществом, если он эмигрирует в Югославию или Англию или же останется в России. И как всегда, у него это было не просто рассуждения ума, а то самое переживание мыслью и духом, которое формирует устремленную в Пространство мысль. На эту мысль он получит ответ в своем видении во время болезни. И мы знаем, что в этом видении его будущая жизнь пошла по наиболее продуктивному с точки зрения научной работы варианту. Кроме того, яркую образную реализацию получили давнишние впечатления и размышления Вернадского о миссионерах-натуралистах и его попытки организации объединенной научной работы в России в 1915–1917 годах. «Но по какому капризу случайностей вылились в моей фантазии в таком своеобразном сочетании эти старые впечатления? – задается он вопросом, описывая пережитое во время болезни. – Несомненно, мне ясно, что я невольно попытался пойти по этому указанному мне в этих впечатлениях пути, чем бы они ни были вызваны и какой бы ни имели генезис»³⁵.

И еще пример. У Чижевского есть очень интересные размышления, связанные с методологией познания. «Только ожидаемое подвластно нашему мыслительному аппарату. С ожидаемым человеческий мозг может делать реальные опыты, которые его приводят с помощью эксперимента или математического анализа к открытию или изобретению. Как эксперимент, так и математический анализ суть две стороны одного и того же процесса – процесса ожидания или видения», – пишет он, вводя в процесс познания неременным условием метанаучные понятия *ожидания* и *видения*. И продолжает: «Но ни опыт, ни математический анализ сами по себе, за редчайшим исключением, не имеют никакой познавательной ценности, если тот, кто прибегает к ним, ничего не ждет или ничего не видит, а пытается с помощью “спекуляций” что-

либо открыть или изобрести. Вероятность такого события приближается к нулю. Для того чтобы эта вероятность приближалась к единице или была равна ей, надо уметь ожидать и видеть. Такой способностью обладают таланты “первого класса” – гении»³⁶. «Искрою желанная зажигается, истинно, факел знания. Только не преграждайте сами себе путь! Только устремитесь – и залетит вас сияние Беспредельности!»³⁷, – говорится об этом процессе в Живой Этике.

Все эти виды взаимодействия с информационным пространством Космоса приносили то мета-знание, которое закладывало основы космического мировоззрения Пирогова, Циолковского, Вернадского, Чижевского. Но в их познании мира присутствовало и второе «крыло». Все они были учеными-натуралистами, которые стремились любую мысль и идею довести до практической реализации, или проверки опытом либо «эмпирическим обобщением», как об этом говорил Вернадский. Они много читали, следили за достижениями науки, причем их научные интересы и кругозор были необычайно широкими. Даже у Пирогова, несмотря на его, казалось бы, узкую специализацию, были самые разносторонние познания не только в науке, но и в литературе и искусстве. Их интересовали история и эволюция человечества, механизмы возникновения планет, солнечных систем, рождения звезд, происхождение самой Вселенной и жизни в ней. Отсюда их пристальное внимание к астрономии, археологии, истории, геологии, биологии, физике, математике. Но прежде всего они хотели выявить и понять те законы, которые обуславливают взаимодействие и взаимосвязь всех составляющих мироздания – от атома до Вселенной. Именно у этих четырех ученых-космистов синтез научных и метанаучных путей получения знаний о мире приобретает особую выразительность, достоверность и убедительность. Они не только несли в себе эти способы познания, но и осмысливали их как с естественнонаучных, так и с глубоко философских позиций, если говорить о философской мысли в самом широком смысле слова, во всем ее генезисе, начиная с древней мудрости, сохраненной в восточных учениях.

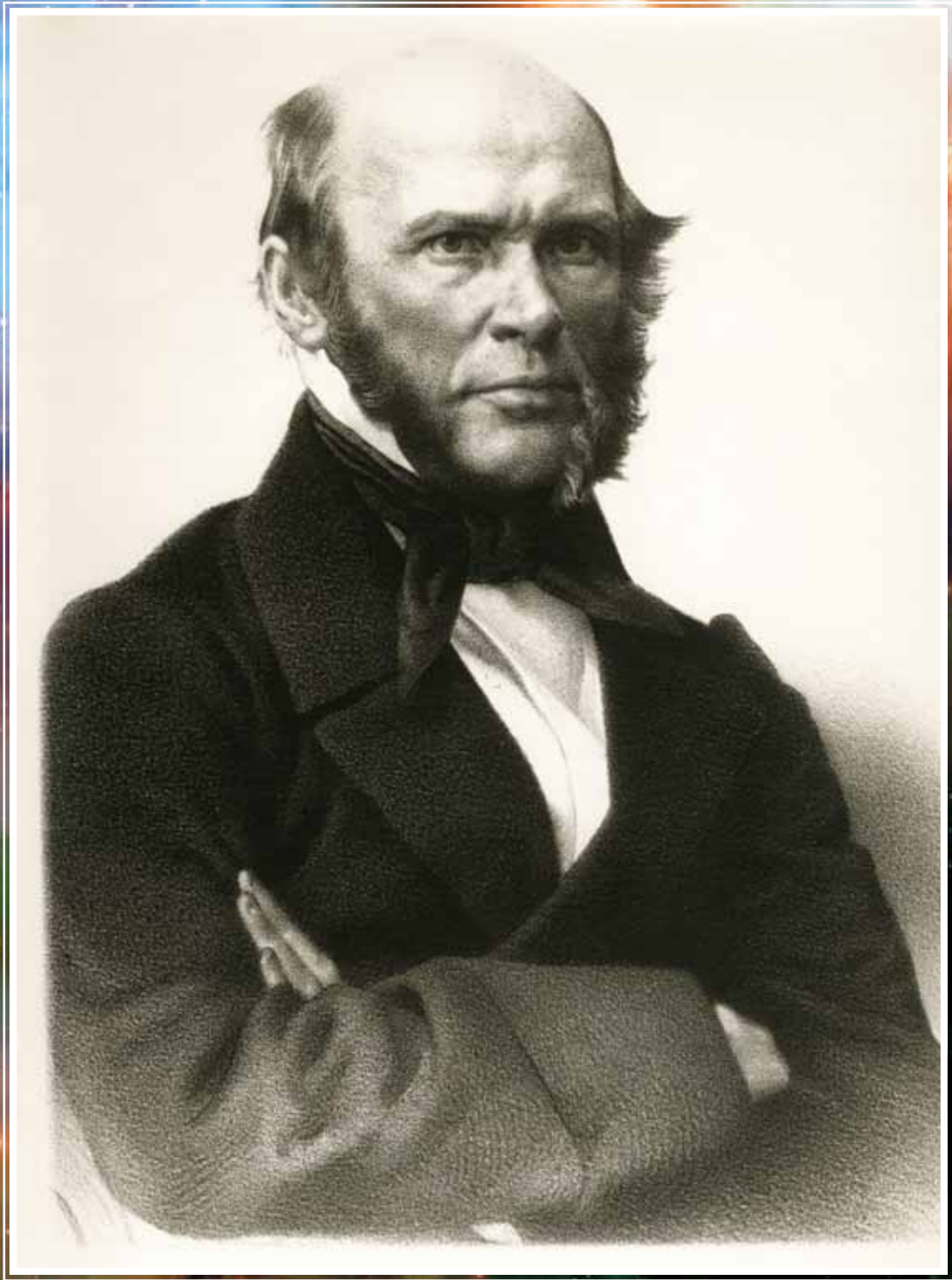
В. И. Вернадский описал этот процесс взаимодействия разных путей познания в мировоззренческом исследовании «Научная мысль как планетное явление»: «Мы видим и знаем – но знаем бытовым, а не научным образом, что научная творческая мысль выходит за пределы логики (включая в логику и диалектику в разных ее пониманиях).

³⁴ Рерих Е. И. Письма. В 9 т. Т. 1. М.: МЦР, 1999. С. 111.

³⁵ Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. С. 36.

³⁶ Чижевский А. Л. Вся жизнь. С. 36–37.

³⁷ Беспредельность, 14.

Н.И. Пирогов

Личность опирается в своих научных достижениях на явления, логикой (как бы расширенно мы ее ни понимали) не охватываемые. Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, – не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе. В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не сможем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание»³⁸.

Ему созвучен Н.И. Пирогов, который, размышляя над разными способами получения знаний, записал в своем дневнике: «Разве тот не живет и не достоин имени человека, кто твердо верит, крепко надеется, горячо любит и просто, т.е. ненаучно, и, так сказать, бессознательно знает? Неужели мы вправе назвать такую жизнь не жизнью только потому, что этой личности не доставало средств и способов развить другую, умственную, сторону своей жизни? Не должны ли мы все стремиться к приведению нашей жизни в гармоническое целое, то есть к равномерному развитию разных сторон нашей умственной и духовной жизни? Такая высокая цель не утопия. Напротив, утопия – то, когда мы полагаем облагодетельствовать человеческое общество, ведя его по одному пути знания к неведомой и недостижимой цели»³⁹.

А.Л. Чижевский в ранней философской работе «Проблема материи (электромагнетизма)» основательно проработал теорию образа как способа познания внутренней, невидимой сути вещей. Он пишет: «Но человеческому духу свойственно неискоренимое желание разгадать внутреннюю сущность вещей и дали неба, простертого пред его взорами. И хотя научный прогресс человечества сводится к расширению радиуса наших чувств, к постепенному приближению к нам как бесконечно малых, так и бесконечно больших объектов, все же столкновение желательного с возможным – неминуемо. Это столкновение желательного с достижимым возможно устранить только искусственным путем. И тут человек отыскал себе удовлетворение в том, что воплотил недоступное и непостижимое – в образы; и можно смело сказать, что концепция таких образов принадлежит к величайшим достижениям»⁴⁰. Нельзя обойти вниманием и вклад Чижевского в освещение роли поэтического творчества в процессах космизации

познания. В разработанном им проекте «Академия поэзии», направленном на нравственное воспитание и совершенствование человека, он отмечает: «Выразить мимолетное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной, – вот задача поэтического творчества»⁴¹. Он считал, что нужно не только учить народ путем науки, но и воспитывать его дух через искусство, внушая любовь к нему. И в этом он очень созвучен Николаю Константиновичу и Святославу Николаевичу Рерихам.

В связи с вопросами познания и формирования мировоззрения необходимо коснуться проблемы пространства и времени в творчестве выдающихся ученых-космистов. Конечно, это большая тема и предмет отдельных исследований. Но есть один момент, непосредственно связанный с процессами вхождения духа в тонкоматериальные пространства Космоса, – переход от дифференцированного времени плотного земного мира к цельному времени миров надземных. Такой переход мы видим и в картинах космоса Циолковского, когда он рисует будущее, и в видениях Вернадского, где присутствует и далекое прошлое, и будущее, и в стихах Чижевского. Причем они понимали или ощущали разницу свойств времени земного и миров более тонкого состояния материи. В.И. Вернадский записывает в дневнике: «Как странны эти просветы прошлого – а между тем в душе для меня как будто такое впечатление, что время есть наносное и пришлое и суть индивидуальности без времени»⁴². Ему вторит А.Л. Чижевский в программном стихотворении «Гиппократу»:

*Для нас едино – всё: и в малом и большом.
Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоём,
Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной
И вне пространств земных.*

Настолько же осознанно воспринимали ученые-космисты и свое взаимодействие с мирами надземными, с Высшим. Н.И. Пирогов писал: «...для меня не менее неоспоримо и то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом Вселенную, проникая и группируя атомы в известную форму, сделала и мой мозг органом мышления. Действительно, его ни с чем нельзя лучше сравнить, как с музыкальным органом, струны

³⁸ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 146.

³⁹ Пирогов Н.И. Вопросы жизни: Дневник старого врача. С. 283.

⁴⁰ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания: Система Космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. №1–2. С. 107.

⁴¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. Вселенная Мастера. С. 551.

⁴² Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. С. 23.

А.Л. Чижевский на защите докторской диссертации. 1918

причем не только «волн космоса», его ритмов, но и «творческого воздействия» в целом: «Еще при первом проблеске мысли человечество стало догадываться, что в мире действуют однообразные и строгие законы, и в сознании человечества родилась идея единообразия и порядка жизни всего мироздания. Эта идея безусловно вытекает из каких-либо основных его свойств, основных его законов. Человеческий род, населяющий земной шар, может служить образцом того творческого воздействия, которое расточается вселенной в силу ее совершеннейшей гармонии»⁴⁷.

и клавиши которого приводятся в постоянное колебание извне, а кто-то, ощущая их, присматриваясь, прислушиваясь к ним, сам приводя и клавиши и струны в движение, составляет из этих колебаний гармоническое целое»⁴³.

Та же мысль звучит в высказывании К.Э. Циолковского о руководстве его судьбой Высших сил, которое он неоднократно повторял не только в автобиографических заметках, но и в научных трудах. В работе «Научная этика» Циолковский в качестве фактов, подтверждающих существование высших сущностей, приводит случаи с видением им фигур из облаков как ответ на его мысли и желания, отмечая при этом: «С кем ни случилось чего-нибудь необыкновенного, необъяснимого узким научным взглядом. История накопила таких фактов немало. Множество современных людей, достойных доверия, указывают на них, собирают и описывают подобные явления в книгах»⁴⁴. В трудах по космической философии Циолковский развивал мысль о существовании разумных сил и высших существ в космосе. В.И. Вернадский пишет в дневнике 11 июня 1931 года, что смолоду понял на основе личных переживаний и видений, «что в человеческой личности много есть научно не охватываемого и не охваченного»⁴⁵, что «есть кругом и внутри нас такие способности личности, которые вводят ее в область каких-то неизведанных и неизвестных в своей объективной основе переживаний»⁴⁶.

А.Л. Чижевский в философских трудах прямо говорит о воздействии высших сил космоса на человечество,

⁴³ Пирогов Н.И. Вопросы жизни: Дневник старого врача. С. 27–28.

⁴⁴ Циолковский К.Э. Научная этика. С. 372.

⁴⁵ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001. С. 204.

⁴⁶ Там же. С. 205.

⁴⁷ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания: Система Космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 112.

Научное обоснование таких воздействий он дает всеми своими исследованиями по влиянию Солнца и других космических факторов на человека и биосферу в целом. В частности, в работе «Физические факторы исторического процесса» он пишет: «В свете современного научного мировоззрения судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб вселенной». И далее развивает очень интересную мысль, что любое небесное тело, перемещающееся в пространстве относительно Земли, в той или иной степени оказывает определенное влияние на распределение силовых линий магнитного поля планеты. Это вызывает изменения в состоянии метеорологических факторов, что, в свою очередь, воздействует на «ряд других явлений, развивающихся на поверхности нашей планеты». Но еще более фундаментальной является мысль, что и состояние нашего жизнедателя Солнца зависит от этой «электромагнитной жизни» всего мира. Чижевский делает вывод-предположение: «Не связывает ли это изумительно тонкими, но в то же время величественными связями интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью целой вселенной?» И продолжает: «Мировой процесс, охватывающий все стороны неорганической и органической эволюции, представляет собою явление вполне закономерное и взаимозависимое во всех своих частях и проявлениях. Изменение одних частей, центральных и управляющих, влечет за собою соответственное изменение всех частей, периферических и подчиненных»⁴⁸.

Л.В. Шапошникова отмечает в связи с этими предположениями или скорее предвидениями Чижевского: «Существование во всей этой сложнейшей структуре Мироздания “тонких, в то же время величественных связей” с интеллектуальным развитием человечества свидетельствует о каких-то неизученных и неисследованных процессах, связанных, в свою очередь, с энергоинформационным обменом человека со Вселенной и ее структурами. Сами же эти структуры Чижевский выстраивает в иерархическую систему – структур центральных и управляющих, с одной стороны, и структур периферических и подчиненных. Иными словами, весь Космос перед нами предстает в динамике своего эволюционного развития от низшего к высшему»⁴⁹.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что энергоинформационное взаимодействие Пирогова, Циолковского, Вернадского, Чи-

жевского с космическим пространством более высокого состояния материи было осознанным и потому чрезвычайно продуктивным.

Но по Великому космическому закону двойственности высшее не бывает без низшего, небесное без земного. И поэтому здесь нельзя не упомянуть о процессе, который Л.В. Шапошникова назвала «ослепление Землей» и «ослепление наукой»⁵⁰. Об этом писал Н.И. Пирогов в «Дневнике старого врача»: «С одной стороны, меня озарил вдруг свет естествознания, тогда как я не был подготовлен к его принятию никаким другим положительным знанием, а просветителями моими оказались люди, также, как и я сам, ослепленные слишком быстрым переходом от тьмы неведения к свету науки. <...> Знание, а тем более научное, делает человека до того самодовольным, что он, приобретая это знание, тотчас старается распространить его на все области своей духовной жизни, отвергая, что между ними есть и некоторые имеющие мало общего с научным, т.е. приобретенным путем анализа, знанием»⁵¹.

Здесь можно вернуться к предисловиям Циолковского к работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами», когда он пытался объяснить свое метазнание о мирах без тяжести «научным» образом. Обладая открытостью познания, развитой интуицией, духом, устремленным в те многомерные космические пространства различных состояний материи, о которых он сам писал, Циолковский тем не менее иногда опускался на грешную землю и даже как будто отрицал свои выстраданные идеи, пришедшие из этих самых пространств. Каноны «экспериментальной» науки на какое-то время заслоняли присущее ему знание духа. Плотная материя заслоняла тонкую. Но не надолго. Это можно видеть на примере одной из бесед, записанных А.Л. Чижевским. Предметом ее был вопрос о существовании высокоразвитой жизни и высшего разума в космосе⁵². Ссылаясь на достижения науки того времени и отсутствие каких-либо «обоснованных доказательств» (с точки зрения «экспериментальной» науки) существования других, более развитых, высших разумных существ, Константин Эдуардович объявил изумленному Чижевскому, что он был неправ, выдвигая в «Грезах о Земле и небе» и в других сочинениях идею о бесконечности миров с высокоорганизованной жизнью и что в старости считает необходимым «вне-

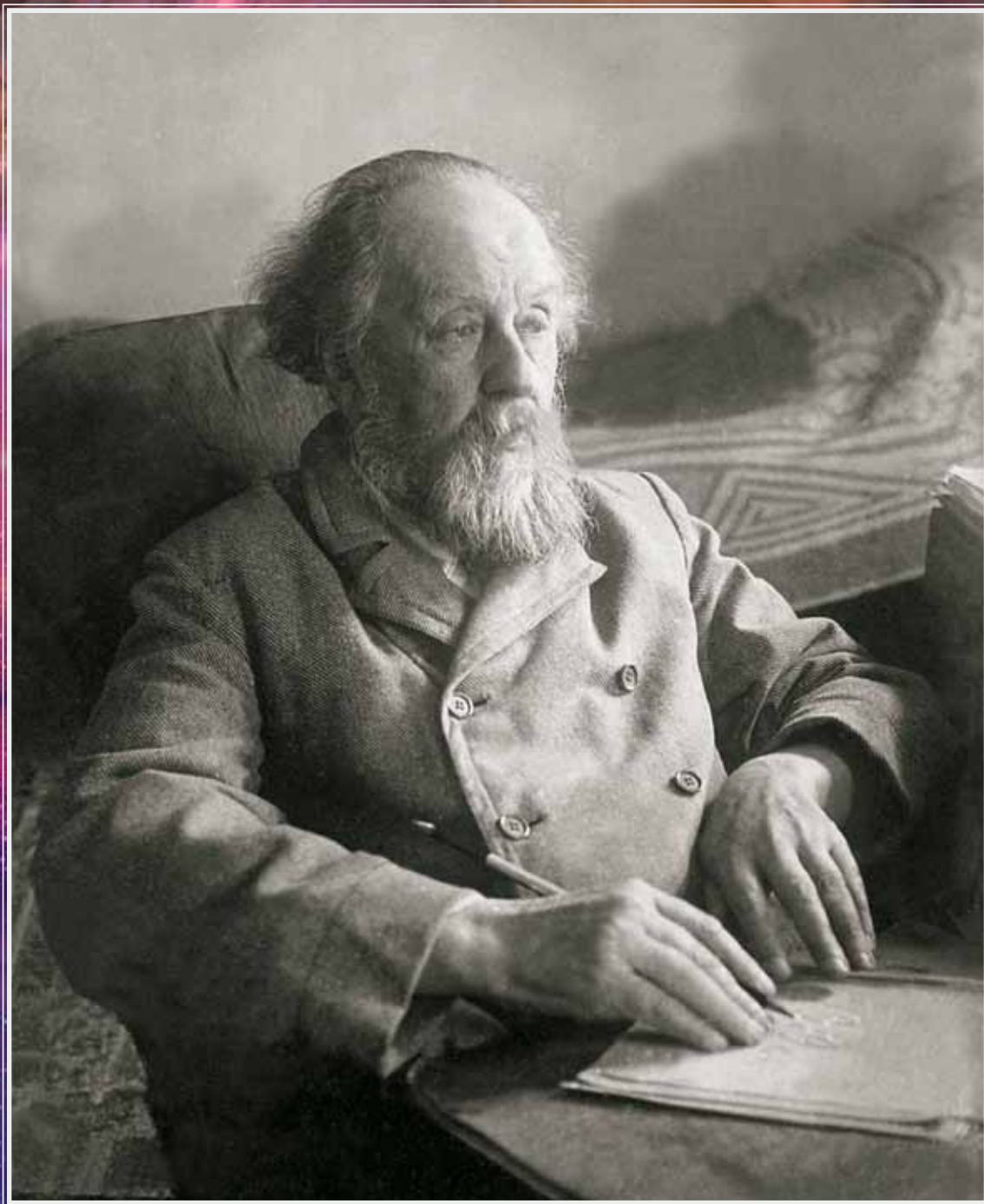
⁴⁸ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 9.

⁴⁹ Шапошникова Л.В. Вселенная Мастера. С. 578.

⁵⁰ Там же. С. 474.

⁵¹ Пирогов Н.И. Вопросы жизни: Дневник старого врача. С. 283.

⁵² К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский: калужские страницы русских космистов. С. 36–43.

К.Э. Циолковский в рабочем кабинете. 1928

сти некоторые поправки в порывы молодости»⁵³. Но содержание беседы показывает, что не ведающая преград пространства и времени мысль Циолковского противилась пессимистическому выводу об одиночестве человечества во Вселенной и искала объяснение наблюдаемым фактам отсутствия на Земле следов высокоразвитых существ иных миров. И напоследок он сказал: «...я ищу разрешения этого вопроса, ищу, но еще не нашел. Меня не смущают эти противоречия. Может быть, из них когда-нибудь выкристаллизуется истина. Допускаю, что это будет не скоро и мне не удастся сказать *последнее слово*»⁵⁴.

Нечто подобное можно видеть в том, как В.И. Вернадский оценивал видение своей будущей жизни во время болезни в Крыму. «Я записываю эти подробности по желанию Ниночки, – отмечает он в конце записей, посвященных этому случаю. – Но мне кажется, они являются чисто фантастическими построениями, связанными с той формой, в какую вылилась эта странная работа моего сознания. Но, может быть, и в этой форме есть отблески прозрений в будущее?»⁵⁵ Здесь тоже осмысление с научной точки зрения не дает Вернадскому понимания природы произошедшего, но не признающий границ дух не позволяет поставить точку на определении его лишь как фантастического построения.

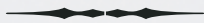
Объяснение таким колебаниям дает вдохновенное описание Чижевским мук творческого процесса, когда у исследователя «как молния» появляется идея и он начинает процесс ее реализации в материальном пространстве нашего плотного мира, взвешивая все «за» и «против»: «Но если в сознании ученого удерживается мысль “против”, тогда дело значительно осложняется. Верная и смелая идея встречает непреодолимые препятствия, с которыми трудно совладать. Начинается борьба. Эти “против” подвергаются жесточайшей критике, об-

суждаются со всех сторон, и только после этого им выносится окончательный приговор. Оказывается, что доводы “против” устарели и наука сделала шаг вперед. Но это бывает не всегда. Случается так, что ученому приходится идти на компромисс с самим собой»⁵⁶. «Искренняя и смелая мысль есть часто страдание»⁵⁷, – говорил Вернадский.

Такой компромисс с самим собой и есть влияние на процессы познания и становления мировоззрения ученых-космистов низшего – земных условий, земной энергетики и ограниченности современной им науки. Но эти отдельные проявления не имели решающего воздействия на формирование их космического мировоззрения, которое происходило на основе синтеза научного знания, полученного путем эксперимента и анализа, и знания метанаучного, имеющего космические корни. Их мировоззрение было космическим не только потому, что они воспринимали мир как целостную иерархическую систему, живущую по единым космическим законам, единым образом организованную на всех уровнях и энергоинформационно взаимосвязанную. Они вводили в науку категорию духа, имеющую космическую природу, объединив в своем творчестве мысль надземную и земную.

Творческое наследие Н.И. Пирогова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского огромно и несет в себе океан, вернее сказать, Вселенную знания. Осваивать это знание придется не одному поколению исследователей. Их роль в становлении космического мировоззрения невозможно оценить, настолько она велика, и понимание ее – дело будущего.

Они были посланцами и со-творцами космической эволюции и внесли значительный вклад в ее продвижение на планете Земля, подготовив сознание человечества к принятию идей философии космической реальности – Живой Этики. В этом была суть их миссии.

⁵³ К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский: калужские страницы русских космистов. С. 41.

⁵⁴ Там же. С. 43.

⁵⁵ Вернадский В.И. Из дневника // Прометей. Т. 15. С. 119.

⁵⁶ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания. М.: Мысль, 1995. С. 346–347.

⁵⁷ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 189.